

Алла Уолуне

*Заблудившись
в облаках*

Алла Йошпе

Завтрак в облаках

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 821.161.1
ББК 84

Иошпе А. Я.

Завтрак в облаках / А. Я. Иошпе — ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2018

ISBN 978-5-6040605-8-2

Честно говоря, я всегда удивляюсь и радуюсь, узнав, что мои нехитрые истории, изданные смелыми издателями, вызывают интерес. А кто-то даже перечитывает их. Четыре книги – «Песня длиной в жизнь», «Хлеб-с-солью-и-пылью», «В городе Белой Вороны» и «Бочка счастья» были награждены вашим вниманием. И мне говорят: «Пиши. Пиши еще».

УДК 821.161.1

ББК 84

ISBN 978-5-6040605-8-2

© Иошпе А. Я., 2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

Возвращение	5
Бумажные кружева	8
Что дальше?	8
Мои университеты	10
Первый импресарио	17
Бумажные кружева	23
Нюрка	25
А шарфик где?!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алла Иошпе

Завтрак в облаках

Возвращение

«Если хочешь идти вперед, сперва научись возвращаться!» Эти слова писателя Лоренса Даррелла вызывают естественный вопрос: а кто же не хочет двигаться вперед?! Я, например, хочу.

А иначе как бы появлялись мои истории... Без воспоминаний? Без прежнего опыта?! Никак. Вот и возвращаешься. И в памяти твоей всплывает то, что тебе особенно дорого.

А для меня – это рождение первой в моей жизни книги. «Песня длиной в жизнь». Книга про НАС. Про нас с Ним. Моим партнером, другом, мужем. Короче, с моим Узбеком. Про нашу с ним непростую и очень необычную судьбу.

Книга эта прошла путь от отдельных разрозненных записочек, когда я еще не задумывала никакой книги, до (спустя долгое время) самой рукописи. В длительных гастролях, в неудобных гостиницах, в поездах и на стоянках, в долгих ожиданиях опаздывающих самолетов в аэропортах... просто записывались какие-то впечатления... от скуки. И когда уже она появилась, эта рукопись, надо было, чтоб кто-нибудь дал оценку моему первому писательскому опыту.

Выбор пал не на кого-нибудь, а на известного писателя Аркадия Вайнера.

Почему именно он?! Прежде всего, потому, что мне нравились его книги, написанные совместно с братом Георгием Вайнером... Нравился их фильм «Место встречи изменить нельзя». А во-вторых, я с детства моего была с ним близко знакома. В юности Аркадий дружил с моей старшей сестрой Фаиной. Она была замужем за поэтом Михаилом Грисманом (впоследствии взявшим псевдоним «Курганцев»). И его знакомство с именитыми друзьями коснулось когда-то и нас. К нам домой Аркадий привел влюбленную парочку – Женю Евтушенко и Беллу Ахмадулину.

И кому же еще я могла доверить свое первое детище?! Тем более что Аркадию Вайнеру очень нравились мои, а потом – и наши со Стаханом песни!

Но, как выяснилось, сделать это – передать рукопись книги моей – было не так просто. Когда я позвонила Вайнеру с просьбой посмотреть, что это я там наваяла, оказалось, что у него нет времени.

Та-ак! Он просто не ожидает, что из-под пера «эстрадной дивы» может выйти что-нибудь стоящее. А обидеть меня ему не хотелось.

Но муж мой все-таки умудрился передать ему рукопись. От меня потихоньку. Чтоб не волновалась.

Через два дня – звонок.

– Не ожидал! – говорит Вайнер.

– Удивлен, – говорит.

И передал мне отзыв о моей будущей книге. Что и стало вступлением к ней. И то, ЧТО написал этот писатель и КАК, – само по себе литературное произведение. Такое стало бы подарком для любого, даже известного писателя.

А я горжусь, что это – мне!

«Мемуары – особый жанр, очень непростой. Казалось бы, если ты прожил интересную жизнь, образован, имеешь склонность переносить свои переживания на бумагу – садись и пиши!

Но в этом решении таится одна маленькая хитрость: большинство мемуаристов невольно чуть укрупняют, усложняют истекшие события и

роль своей личности в истории. Это естественно, понятно и простительно: кто не жаждет совершенства в предмете любви своей?!

Случаются, однако, авторы, которые не рвутся увековечить в бронзе свое житие и готовы нелукаво поделиться с вами, как с добрым попутчиком, довольно удивительными узорами своей судьбы.

И тогда их повествования звучат как долгая задушевная песня.

А если задушевная песня и есть главное содержание твоей жизни – тогда на свет появляется рукопись Аллы Иошпе.

История народа, история любви, страданий и побед, счастья и слез, история роскошного венка, сплетенного из лучших, ароматных, честных песен, навсегда заморозивших целые поколения, – вот что такое мемуары Аллы Иошпе, бесхитростный рассказ о времени, Стахане и о себе.

И прочитав его, мы придем на очередной концерт звездной пары – Аллы Иошпе и Стахана Рахимова – с сердцами, полными доверия, любви и благодарности за ту добрую радость, которой они одаряют нас всю свою Жизнь в Искусстве».

Аркадий Вайнер

Конечно, я понимала, что это – аванс на все, что я могла бы написать в будущем. Если таковое, конечно, случится. Но долго я не писала книг Песни, стихи... И все.

Однако потом – все-таки решилась.

Вторая книга называлась «Хлеб-с-солью-и-пылью». По строчкам из припева моей песни «Дороги артистов»:

*Дороги артистов —
Хлеб с солью и пылью,
Дороги артистов —
С мечтами и былью,
Дороги артистов —
Вся жизнь – и не боле,
Вся жизнь – и не боле.
И нет лучше доли.*

Я решила показать рукопись еще одному Аркадию – Аркадию Инину, известному писателю и сценаристу (фильмы «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди», «Однажды двадцать лет спустя», «Одиноким предоставляется общежитие» и другие).

В своем предисловии Аркадий Инин говорит, что пишущего человека именно вторая книга делает писателем. Он похвалил автора, то есть меня, за то, как написано о людях и – особенно – о животных. Которые у меня «наделены абсолютно человеческими чертами, умениями страдать и радоваться, хитрить и сохранять достоинство, хранить верность и любовь».

И в результате – назвал меня писателем.

Наверно, оба писателя сделали мне скидку – как «молодому» автору и известной артистке. Но все равно приятно. Меня поняли и поддержали.

Спасибо вам за это, наши дорогие Аркадии!

О первых двух книгах мне многие говорили и писали добрые, а порой и восторженные слова. А вот с третьей – «В городе Белой Вороны» – отзывы вышли неоднозначные. И, говоря откровенно, критику в свой адрес я полностью приняла. Она шла от уважаемых людей.

Сразу после презентации мне позвонил Александр Левенбук:

– Алла, прочитал. Хочу приехать поговорить.

И приехал. И упрекнул меня в том, что книга издана была небрежно. Опечатки. Даже в подписях к фотографиям были ошибки. Например, вместо «Мария Арбатова» написано: «Мария Абрамова». Почему-то. И естественно, не мной.

Александр Левенбук, конечно, был прав. И бесполезно да и поздно уже было оправдываться. И объяснять, что нас не было в России, когда издавали книгу. Потому и не смогла проследить... и т. д.

А на самом деле издательство в то время уже рассыпалось, разваливалось. Но рукописи у авторов продолжали брать и кое-как печатать. Никаких корректоров, никакой редакторской работы уже не было. Все было в руках не всегда трезвого художника.

Но книга эта мне дорога. Тем, какие рассказы там были. Тогда я действительно поняла выражение Пушкина: «Над вымыслом слезами обольюсь». Я впервые «обливалась слезами» над собственным рассказом. Когда ночью писала притчу про Белую Ворону, которая преследовалась черным вороньем за то, что была не такой, как все.

А Аркадий Инин вдруг упрекнул меня в том, что в книге этой «чувствуется повышенная сексуальность».

Господи, как же я обрадовалась!

В мои-то годы!

Наконец-то!

Бумажные кружева

Что дальше?

А что дальше?

Извечный вопрос. Задаешь его себе каждый раз, как после очередного юбилейного концерта. Долго готовишься, нервничаешь... А вот уже все и прошло. И все уже позади. Прошел концерт, и с ним ушло что-то очень важное. Долго и медленно от всего отходишь.

Так и с книгой. Писала... правила... перечитывала... добавляла... убирала... сомневалась. Закончила. Отдала в издательство... И вот он – этот извечный вопрос: а что дальше? Да еще всякие сомнения в голову лезут: а надо ли вообще писать еще? И противное – кому это может быть вообще интересно?!

Действительно. Кому?

Тем, кто, как и мы, родились в прошлом веке? Может быть. Может, и интересно. Потому что – знакомо. А знакомое лучше воспринимается. Как знакомые песни. Их ждут. Им народ радуется, будто старого знакомого встретил. Конечно, если он, этот знакомый, ему нравился.

Так вот. А если читатель нынешний? То – как ему? Эти наши воспоминания?! Рассказы? Про любовь, что без времени? Да еще эта лирика со стихами?!

Да-а. Может быть, и интересно. Кому-то. Читают, слава богу. По крайней мере, говорят, что кто-то у кого-то попросил почитать мою книжицу и – не вернул. А кто-то – и украл! А я радуюсь.

... Но пока что хочется отдохнуть. А где это лучше всего делать?

Вот и забираемся на наш маленький остров, по форме своей который на мышку похож. После московского напряжения, темпа, нервов, концертов и презентаций – опять туда. Из мерзлой гнилой Москвы, где не то ранняя зима, не то поздняя осень, и дождь, и снег, и полная путаница, опять – в этот маленький райский уголок.

Тут дышится легче, да и пишется лучше.

Домик наш – на горе. Невысокой, но достаточной, для того чтобы невдалеке, через небольшой уходящий вниз кусочек земли с виллами и садами, видеть его – МОРЕ.

Море здесь необыкновенное. То – зеленое, спокойное (откуда эта зелень?! Ведь в нем не отражается лес?!). То – серебряное море... А когда ветер или плохое у него настроение, у моря, то темно-серое, черное почти. Но красивое – обязательно.

Общественного транспорта фактически нет. Почти нет. Только какой-нибудь автобус может куда-то подвезти. Иногда. Из фиксированной точки А в фиксированную Б. И все. Так что собственный автомобиль необходим. Вот и приобрел муж недорогую, уже подержанную кем-то машинку. Которая тебя ждет и скучает по тебе, пока ты в Москве.

И опять читаю. Читаю много. Мне интересно многое. Плачу над судьбой великого и несчастного Ван Гога (Ирвинг Стоун «Жажда жизни»), удивляюсь и завидую замечательным рассказам Виктории Токаревой и Людмилы Улицкой... И наконец, улыбаюсь потрясающему Георгию Данелии, прижимая к груди его «Кот ушел, а улыбка осталась». И вдруг узнаю, что даже он, этот удивительный, не боюсь этого слова – гениальный – Данелия впал в тревожное раздумье, после того как закончил упомянутую свою книгу. Спрашивает себя: а что дальше? И сомневается, стоит ли писать еще. А вдруг кто-то из друзей так и думает?! И, может, надо остановиться, скажут друзья?!

А книгу эту, про улыбку кота, Данелия написал в свои восемьдесят четыре – 84 – года! Вот я и подумала, что время у меня еще есть. И пожалуй, продолжу-ка я эту историю – рассказы свои рассказывать.

Итак, снова Кипр. Солнышко, свет, чисто так. Мое «О господи!» – теперь другое. Не от новостей по ТВ, не от тревоги на душе и смятения, а – от красоты вокруг. От радости на сердце. И все тело твоё говорит спасибо за этот свет, цвет и за воздух. А главное – душа тебе говорит. И через пару-тройку дней, совсем немного отдохнув, ты снова окажешься перед пока еще белой страницей своего компьютера. Где тебя ждут твои старые и пока еще новые знакомые, на новых страницах новой книги.

Один известный писатель сказал, что автор книг «вершит над людьми свой бумажный суд». Этот постулат, сказанный мудрым Лоренсом Дарреллом, произвел на меня глубокое впечатление. Я задумалась. Но я, может, в чем-то и согласна с ним, но вершить свой «бумажный суд над людьми» я не берусь. Я не судья. А уж если пользоваться терминологию юриспруденции, мне ближе роль адвоката, чем судьи: мне всегда жалко своих героев. Я чувствую их, я сочувствую им. И люблю даже. Они для меня – *живые*. Когда эти, мне не знакомые прежде, субъекты вселяются в мой рассказ, я сама знакомлюсь с ними. Я узнаю их ближе... Они мне самой любопытны и интересны. Я смеюсь и грущу вместе с ними.

А когда книжная история их заканчивается, я скучаю.

Ну а пока что, опять волнуясь, я открываю свой маленький компьютер.

Ну, все!

С богом!

Мои университеты

Опыт жизни своей писатель Максим Горький называл «мои университеты». А в моем случае, если не считать действительно моего родного Московского государственного, то в разные периоды жизни «моими университетами» был опыт общения с моими, а потом и с нашими домработницами. Это была высшая школа общения с особой частью народа, которая на протяжении многих лет стала нашим спутником по жизни.

Эта школа и стала «моими университетами».

Домработницы у нас были всегда. Или почти всегда. В зависимости от возможности. Материальной. И чем меньше были наши возможности, тем бедней и с большими проблемами были наши помощницы.

Кто-то назвал домработницу «домраба». И напрасно. Еще неизвестно, кто у кого в рабстве. Лишь по крайней необходимости приходилось жить под одной крышей с посторонним человеком, впускать в свой дом, а то и в свою душу чужие характеры и проблемы. Но из общения с этими «пришельцами» мы узнавали много нового. О жизни провинциальной, о судьбах конкретных людей... И естественно, жизненный опыт наш расширялся. Прямо не выходя из дому.

В услужение в чужой дом шли просто от необходимости выжить. Работы нет. Жить не на что. Вот и идешь в прислуги. Жизнь их, как в зеркале, отражала состояние самого общества того времени. И в то же время – положение в этом обществе тех, к кому эти люди приходили служить.

В нашем доме помощницы появились не сразу. Пока я была маленькой, их не было вообще. Незачем было. Сестра уже выросла, а со мной все время – мама. Она бы не доверила меня, любимую и болявую, никому. Даже если б и была возможность. А ее, этой возможности, в то время и не было. А вот когда уже у меня самой появилась дочка, тогда выхода не стало.

К тому времени я уже закончила свой психологический факультет и меня приняли в аспирантуру. А так как «на меня вся наука смотрит с надеждой», то мне надо появляться в клинике нейрохирургии имени Бурденко каждый день. Там я работала над своей кандидатской диссертацией. Тогда и встал конкретный вопрос о помощнице. Вернее – о няне.

Денег на это нет. Да и откуда им быть?! Муж – инженером за копейки... Правда, моя аспирантская стипендия. Хоть и повышенная. Но она ненамного отличалась от обычной. И – на няню. И мама, взявшая на себя всю заботу о малышке, решает, что все-таки надо деньги идти зарабатывать. Детям помочь, раз так.

Дочке Танюшке к тому времени уже два. Можно и с няней оставить. Если найти таковую, конечно.

И мы даем объявление.

Няня не заставляет себя ждать. Вернее, та, которая была бы нужна, заставляет. А эта, которая не заставляет, – приезжая. И жилья у нее нет. Да и у нас нет места, где ей спать. Нам нужна няня, что приходит и уходит. Но хотеть не вредно. Таковой – за наши деньги – нет. Пришла эта. Жить ей негде, потому и не берет никто. И она в слезы:

– Устройте хоть как-нибудь! Не пожалее! Хоть в коридоре, хоть на полу... пожалуйста-а-а!

А у нас недавно в проходном коридорчике, который сразу при входе в наши пятнадцатиметровые «апартаменты», папа ванну соорудил. Самую настоящую. Чугунную. Знакомый дворник стянул со стройки и папе за бутылку «уступил». Ванна-то в узком коридорчике вдоль стены поместилась, но перекрыла весь проход. Но папа, совершая невероятные усилия,

«мешавшую» нашей ванне стенку «подвинул»... к соседке. Короче, ванна устроилась как-то. И тетя, которая в няни хочет, обрадовалась:

– Так я в самой ванне и спать буду!

А мама:

– Ну как же можно человека в ванну класть?!

А тетка:

– Ну а ежели человеку вообще спать негде?! А вам няня нужна?!

И плачет опять.

Тут папа и придумал накрыть толстой доской эту ванну. И накрыл. И получилось как тахта. Только жестко.

Няня перестала рыдать. А радоваться стала.

Так у нас и обосновалась она. Тем более что цену она назвала соответствующую.

Правда, тогда это была уже не первая, а вторая няня. Первая проработала всего неделю. Танюшке тогда было месяца три. Родители сняли нам маленькую комнатку в Подмосковье. Все-таки дача. Чтоб «ребенок дышал». И ребенок дышал.

Я на даче. Одна с малышкой. Муж, мама – все работают. Пригласили женщину в помощь. По объявлению пригласили. Помогала. Но почему-то стали пропадать детские ползунки. Новые, красивые: голубые и ярко-розовые, их подарили мои университетские однокашники, когда пришли на новорожденную дочку посмотреть. Купить такие вещи тогда было почти невозможно. А если доставали когда, то очень за дорого. А они у нас пропадали. Пропадали красивые ползунки постепенно, но пропали все.

Однажды, когда я с Танюшкой гуляла по саду, вдруг что-то голубое и розовое среди зеленой травы попало мне на глаза. Вот они! Эти потрясающие подарки! Но – не спешите радоваться! Их не ветер сорвал с веревки! А няне нашей проще было их выбрасывать, чем стирать. Прележавшие не стиранными на земле, под дождем... эти ползунки и стирать уже было ни к чему.

Первой няни и не стало.

Ну так вот. А та, новая, на доске которая, была тихая. Покорная даже. Стирала. Гладила. Качала коляску с ребенком во дворе, под окном. Так, чтоб моя мама могла их видеть. А я – в своем МГУ все время. Но вот уже и мама на работу вышла. И няня с маленькой Танюшкой остаются дома одни. Без нас.

...В тот день я пришла домой пораньше. Прихожу – дома никого. Ни няни, ни Танюшки. Может, мама раньше освободилась, и они все втроем куда-то умотали?! Тогда почему коляска во дворе стоит, а в коляске – никого?! И вообще, что происходит?! Сердце начинает бешено ускорять темп.

Выхожу на Бронную... Нет их.

Иду на наш бульвар, на Никитский. Нет их.

Бросаюсь в нашу милицию.

А там! На жесткой скамейке для всяких хулиганов и разбойников сидит наш ребенок! В слезах и соплях, мокрый, голодный... Молчит с испугу, только глаза тарачит и икает тихонько от ужаса...

А няньки нет.

Оказалось. За день до этого она упросила маму дать немного денег вперед. А сегодня взяла девочку и пошла с ней. «Пешком». Без коляски. Душа требовала банкета. И банкет был. И, шатаясь, отправилась няня догуливать на бульвар. А девочку забыла. Вот водители и увидели на проезжей дороге, прямо между машинами, маленького плачущего ребенка. Одного. Стоит, маму зовет. Кто-то отвел девочку в милицию. Спасибо, тогда не было такого активного движения на дорогах. Но все-таки движение было.

Вот так наша Танюшка и заимела свой первый привод в милицию. И последний, надеюсь. Какое счастье, что я тогда пришла домой раньше мамы. Страшно представить, что могло случиться, если б мама явилась раньше и пережила весь тот ужас, который выпал на мою долю.

Все. Потом – долго никаких нянь.

Мама отложила идею с работой на долгое время. Опять все взяла на себя: лучше будет она, молодая бабушка, с любимой внучкой сидеть.

...И вот Танюшка уже и в детском саду. Да и у меня жизнь новая. С новым мужем. В новой квартире. Вернее, в огромной коммуналке с большим количеством хороших людей и дверей.

Наше жилье состояло из двух запроходных комнат с высоченными потолками. Наш друг, который помогал нам переезжать, сразу сказал, что, если эти комнаты поставить на бок, получилась бы кубатура та же, а метраж больше. Но никто их, эти комнаты, на бок не «поставил», метраж остался прежним, а мы были счастливы первому самостоятельному с ним жилью.

Но без помощницы уже просто никак. Хотя бы просто отводить дочку в детсад. Который, к счастью, совсем рядом. За углом. Правда, через дорогу.

Первое время после переезда на эту квартиру отводил дочку по утрам муж. Прямо перед работой. Он работал тогда еще в ОКБ КП – чего-то там кабельной промышленности. В подмосковных Мытищах. И приходилось мужу вставать так же, как Танюшке. Очень рано. Мне же было милостиво дано еще полчаса поспать. Так и вижу их – заспанных, сонных. Его и маленького ребенка. Чуть ли не поддерживающих друг друга, пошатывающихся со сна... зевающих... Смотреть на это было и трогательно, и грустно. Так было жалко их!

И пришлось все же искать кого-нибудь в помощь.

Очень средних лет даму предложила одна из наших многочисленных соседок. Жила дама недалеко от нас. Рано утром мы одевали ребенка, а она отводила в сад. Когда вечерами у нас было выступление и мы не успевали забрать дочку из садика, мы просили тетю Зину подменить нас. Ребенка забрать.

И все вроде бы хорошо.

Но однажды соседская бабуля ужасным шепотом рассказала, что видела, как наша маленькая девочка шла из детского садика одна посередине проезжей дороги. Опять!!! История повторилась. Шла прямо по мостовой. Няня же по тротуару спокойно прогуливалась со своей подругой. А по дороге на большой скорости совсем рядом с ребенком летит машина.

Чудо спасло нашего ребенка. Спасибо тебе, Господи! Опять – спасибо.

Вот с тех пор мама моя уже окончательно бросила идею работать.

И вот у нас уже отдельная квартира. Правда, далеко от нашего родного центра. Даже от метро далеко. Квартирка маленькая. Но наша. Первая с Ним – НАША. И конечно же опять нужна помощница по хозяйству. Ох, как нужна! Нам часто уезжать. Уже концерты, гастролы... Как уедешь?!

Домработницу нашли. Уже даже с небольшой рекомендацией. «Небольшой» – потому что люди малознакомые порекомендовали. И вроде бы опять все хорошо. Только по ночам я как-то странно себя чувствовала. Все время казалось, что кто-то смотрит на нас. Следит. А у нас с Ним – любовь.

Думала вначале – показалось. Оказалось – не показалось. Просто даме было интересно, чем это мы тут занимаемся по ночам.

Ну и опять – выручай, мама!

И мама выручает. Поэтому папа мой, бедный, все время один. А мама – «в лавке». Мама – на посту.

.. А вот уже и большая четырехкомнатная квартира на Красной Пресне. Женщина появилась неплохая. Работящая. Быстрая. Только голова всегда покрыта платком почему-то. Нико-

гда не снимает платок. И кошек ненавидит люто. Оказалось, в детстве играла с кошкой, а у той – стригущий лишай. Вот и стала лысой Тамара. Навсегда.

Отсюда и платок. Отсюда и ненависть к кошкам.

Но сын у Тамары есть. От профессора-татарина сын. Тамара, домработница наша, как-то раз убиралась у профессора, полы мыла. И нагнулась как-то низко-низко... А сама – полная, аппетитная. Хоть и в платке. И профессор-татарин не выдержал, не удержался то бишь, и пристроился сзади...

А сердобольная Тамара – ему:

– Ну зачем вы так? Неудобно, небось. Лучше ляжем.

И легли.

Вот так и получился у Тамары татарский сын профессора.

А у нас уже гастроли постоянные. И дочь уже сама в школу ходит. Хоть и не ближний свет. Но сама. А на хозяйстве – она. Домработница Тамара. Убирает. Готовит. В магазин... А мы – уходим, уезжаем, улетаем...

Танюшка – с ней.

Конечно, оставляем деньги на питание. Да на непредвиденные расходы всякие оставляем. А Тамара подружкам Танюшиным чаю с сахаром не дает. «Мне на ваш сахар денег не оставили. Нету вам сахару». Дочка нам об этом долго не рассказывала. Боялась, что ругать Тамару будем или уволим сразу.

А как она одна будет?! Лишь спустя годы и рассказала. И про то, как на дочкину просьбу купить ей любимые яблоки Тамара изрекала:

– Килограмм яблок – три дня без обеда.

Тамара вообще деньги сильно «уважала». Наши деньги. Когда мы не в поездке, а дома и денег на «непредвиденные расходы» не полагалось, ей становилось больно и обидно. И постоянное «Аллочка Яковлевна, де-е-ню-ю-жку!» было у нее вместо «доброе утра».

Ее «уважение» к деньгам дошло до того, что однажды она откровенно призналась, что деньги у нее всегда есть, потому что:

– Что вы думаете? Неужели я каждый день не сэкономлю для себя каких-нибудь десять ваших рублей?!

А это тогда были все-таки деньги.

... Потом был долгий перерыв. Это было то самое время, когда нас объявили всяческими врагами Родины нашей. И уже было нам не до помощниц по дому. Тогда мы вообще собирались уезжать навсегда из СССР.

Собираться-то мы собирались. И даже полностью собрались. Но не уехали. Не выпустили нас. Не отпустили... Так сильна была любовь к нам нашего государства. Двери квартиры поджигались, машину разбивали, работы лишили. Лишили всего. Даже все записи на радио и ТВ с нашим участием уничтожили. И афиши... Но главное – дочь-отличницу из МГУ исключили.

Но жить надо.

И живем как-то.

К счастью, появился на свет наш ненаглядный внук Костик. И потому у нас появляется няня Тася.

Посоветовала, вернее, привела нам ее наша приятельница. Она, приятельница, намного старше нас. И была умная. Понимала наше положение. И что значит попасть в эту «нацию отказников» – понимала. Когда отказано во всем. Когда и работы нет, а проблемы и безденежье, наоборот, есть.

И говорит приятельница:

– Возьмите к себе Тасю. Она хорошая. Какую-никакую дачку все равно снимете для ребенка. Вот она там жить с внучиком и будет. И вообще.

– Только деньги ей не давайте. Откладывайте для нее просто, – добавила.

– Почему не давать денег? – спрашиваем.

– Они не удерживаются у нее, – отвечает.

А почему «не удерживаются», не объяснила. А мы и не спросили.

И взяли Тасю. И решили посмотреть на нее, пока мы тоже на даче с ребенком. Родители же Котика – врачи. Всегда заняты.

Тася была замечательная. Простая деревенская баба. Аккуратная. Заботливая. Убиралась чисто. Смотрела за маленьким Костиком... Любила его. Но все-таки поначалу мы не оставляли ее с ребенком одну.

Но однажды... Однажды нам пришлось отъехать в город.

Возвращаемся... Уже у калитки слышим песню.

Входим...

Тася... возлежит на нашей кровати, развалилась по-королевски... и песню поет. С выражением так поет. Рулады выводит, руками дирижирует... Пьяная. Маленький мальчик Костик рядом на полу с машинками играет. Подпевает как-то.

...Потом были Вики, Нади, Кати.

Разные, равнодушные и не очень, всегда чужие. Была даже такая, что в свои шестьдесят пять сидела в Интернете все время. Продвинутая была. Искала «своего» мужчину. И кажется, нашла. Потому что однажды – приезжаем на дачу, а дамы не оказалось. Ушла. Убежала просто. Спешила к «своему мужчине».

Конечно, все эти женщины – искатели своего счастья. Как могли, так и искали. Хоть какое. Им казалось, найти это счастье можно только в Москве. И их, одиноких и неприкаянных, было жаль. И – что им наши проблемы, когда у них свои такие?!

Там, где они жили, работы не было никакой. А если кто уже на пенсии, то страдал от одиночества. Дети их выросли. Уже свои семьи у них, у детей. Мать вроде бы и не нужна больше. А так хочется ей к кому-нибудь приткнуться. Да и подработать не грех, чтоб не зависеть.

И от родных детей – идут к чужим.

...А что мы?!

Мы опять даем объявление: «Срочно требуется помощница... с проживанием на даче...»
Дача у нас уже своя.

Приходит пара. Молодые, красивые. Ищут работу для двоих. Вместе работать, значит. И, естественно, вместе жить.

Нам не нужна пара. У нас нет работы для двоих. Но когда они узнали, что у нас для помощницы есть отдельная комната... Стали так уговаривать! Так уговаривать!

– Ему не надо платить, – говорила она.

– Устроюсь где-нибудь на подработки, поддержку жену деньгами, – говорил он. – И на даче помогу.

Видно, очень уж нужна им работа с проживанием. Говорят, будут всю жизнь благодарны...

И видят, легко уговорить нас и разжалобить.

Разжалобили. Уговорили.

Мы взяли.

Кончилось то лето. Мы переехали в Москву. Пара осталась на даче.

А Вика очень уж часто болеет. То ангины, то гриппы. Чаще всего подозрениями на аппендицит страдает, говорит.

Запой. Узнали мы об этом, когда были на редком нашем отдыхе. Позвонили нам соседи дачные. Мол, скандалы пьяные каждый день, вплоть до драк и битья окон. Наших, разумеется. Весь наш отдых испорчен. Улетаем домой. Еле удалось распрощаться.

Но все же спустя время опять поселилась у нас на даче пара. Уж очень они были влюблены друг в друга. И так просили не разлучать их. Мы разлучать их не хотели, потому и отказали им обоим.

Но.

Но они – на даче. Они все же у нас.

Однажды звонят из милиции, спрашивают, знаем ли мы, что наш работник был осужден за убийство.

Потом появилась симпатичная молодая женщина с Украины. Тогда еще не было этой трагедии с войной. Мы еще дружили тогда с «нашей житницей». Женщина пришла по рекомендации. Говорит, одинока. Но есть сын приемный. Из детдома взяла. Не совсем здоровый, сказала.

Растрогала.

Взяли.

Потом вдруг и муж «приемный» объявился. У «одинокой». «Приемный» – потому что мать приняла. В дом.

– Принимай! – говорит. – Он хороший. Баптист и в хоре поет.

Ну и мы приняли. Потому как любовь у них в то время была. И она уж очень просила за него. А любовь для нас – святое. Ладно, пусть и муж приезжает.

Он и приехал. Как одолжение сделал. Ей. Заодно и нам. Отдыхает все время. Благо мы в гастролях постоянно. А парочка на природе радуется. А на даче у нас ни цветы, ни овощи не растут. Некогда нам этим заниматься. И им некогда. Они заняты. Она моет его в ванной нашей. И массажи там делает. И подстригает под бокс. Ему так больше нравится.

Отдохнул муж и – обратно, на Украину. «По делам».

А она расстраивается. А нам жалко ее. И мы ее вместе с собой в роскошный израильский санаторий берем. На поправку здоровья и настроения.

В «Плазе» у нас номер трехкомнатный. Люкс. Нас тут любят. Уважают. Приезжаем сюда часто. И все нам по бартеру: мы им – концерт, они нам – номер роскошный, обследование по полной, лечение самое лучшее.

А в этот раз мы просим хозяина санатория, израильтянина Нахума Керена, принять вместе с нами нашу так называемую родственницу. Говорим – споем для отдыхающих теперь два полных концерта. А не один, как всегда.

Хозяин – уже наш друг. Умный. Настоящий. Давно. Его чтут, боятся и уважают. Потому такой идеальный порядок в санатории. Когда слышат, что хозяин к санаторию подходит, все и всё подтягивается и вытягивается в струнку. И все и всё работает.

Нашу «родственницу» лечили по полной программе. А лечение там дорогое и уникальное. В престижных московских клиниках не всегда найдешь такую медицинскую аппаратуру. А главное, такого Нахума Керена.

В общем, спели мы для них ТРИ концерта.

А наша «больная» все время звонит мужу. На Украину. По телефону гостинично-санаторному. Что очень дорого. Да и по нашему мобильному, в роуминге.

– Я в раю, – говорит мужу.

А нам:

– Век за вас молиться буду!

Но век молиться ей за нас не пришлось. И не только век.

Приезжаем в Москву, а нашей помощнице, поздоровевшей и похорошевшей, почему-то срочно понадобилось уезжать. Плачет, говорит, что-то с сыном...

Собираем ее, подарки всякие готовим «больному» приемышу.

Оказалось, ушла в другой дом работать. Больше денег предложили.

Молилась ли она потом за нас, как обещала? Не думаю. Лучше б не молилась, а ушла б от нас до того, как в такой санатории мы ее лечили. И столько за нее пели.

Потом долго никого в дом не брали. Сами как-то выкручивались. Котя, наш внук, уже и в садик пошел... а вот уже – и в школу...

Ну а потом наконец-то нам повезло. До сих пор у нас настоящая помощница. Порядочная. Добрая. Ответственная и остроумная. Это она заявила однажды об одной из наших гостей:

– Не смотри, что некрасивая! Жрать сядет – залюбуешься.

И вообще столько у нее народных выражений! Но таких крепких, что привести их на этих страницах нельзя. Неудобно как-то. А жаль.

Занимается Наталия Ивановна всем нашим хозяйством. И нами. Если надо, и укол делает. И шею помассирует. И борщ украинский. Ну а на концерт с нами – так это святое. И не дай бог, если кто-то не с пиететом, к которому она привыкла, произнесет про нас что-нибудь не так! Мы товарищу тому не завидуем. Ни-ни! И не пытайтесь. Мы – самые лучшие и самые талантливые!

А как она к нашему концерту готовится! Что наденем? Что поем? И – советует. А если что-то, по ее мнению, не так – недовольна. Ругается.

– Ничего себе! – ворчит. – Такую песню не вставили! А люди по ней скучают! Как не стыдно только?!

И сердится.

Наши диски на концертах никому продавать не доверяет. И «консультирует» желающих. Какие песни на каких CD находятся. И рекомендует, что купить.

А рекомендует то, что ей самой нравится. А нравятся ей все. Вот и «консультирует». И сидит счастливая! Гордая! Она – соучастница всего этого праздника.

Вот так. Сейчас наконец-то нам повезло. Ну а что будет дальше? Никто никогда не знает, что будет дальше.

Вот и мы не знаем.

Поживем – увидим.

Давайте проживем.

Первый импресарио

В московской концертной организации, которая тогда, во времена СССР, называлась Мосэстрадой, было много редакторов и много администраторов. Редакторы подбирали артистов для концертов. Отвечали за репертуар... Администратор же общался непосредственно с заказчиком концерта, обеспечивал явку участников, заполнял рапортчики с репертуаром. И чаще всего он «пользовался» теми артистами, которых давал редактор.

Но были и исключения, когда администраторы работали с артистами напрямую. Наиболее известных и «свободных» в этом смысле было двое. Сейчас их по праву назвали бы продюсерами. Или импресарио.

Это были Павел Леонидов и Михаил Дорн. У каждого из них были «свои» артисты. Конечно, тандем артист – администратор прежде всего совершался с согласия самого артиста.

Павел Леонидов работал с Людмилой Зыкиной, Владимиром Высоцким, Иосифом Кобзоном, Майей Кристалинской.

Михаил Дорн занимался Тамарой Миансаровой, Валерием Ободзинским, группой «Четыре Ю»... А позднее – и нами: Аллой Иошпе и Стаханом Рахимовым.

Мы были самыми молодыми в этой когорте. Наименее опытными и наиболее несведущими в непростой эстрадной жизни.

Михаил Сергеевич Дорн. Красавец немец, высокий, сине-голубоглазый... Таких никто раньше и не видел у нас в концертной организации. Таких вежливых. Улыбчивых. Интеллигентных... Он появился у нас неожиданно и сразу привлек всеобщее внимание. И со своей интуицией сразу же отметил нас, как только мы появились на эстрадном горизонте.

А «свой» администратор нам оказался кстати.

Мы – ребята из самодеятельности. Из науки. После первых же наших – еще поодиночке – выступлений по телевизору (моей «Царевны Несмеяны» и Стахана «Арабского танго») нас стали везде узнавать. И мы, обалдевшие от возможности наконец-то бросить все и заниматься только любимым делом, бросились с головой в эту сумасшедшую жизнь. Да еще вместе!

Как же мы были счастливы, когда приглашали петь! Не платят – и не надо! Лишь бы петь! А если говорили, что выступление за деньги, никогда не просили оплату заранее, как делали «нормальные» артисты. И тем более не требовали денег заранее. Только благодарили за каждое приглашение, за каждую возможность выйти на сцену.

И были действительно счастливы.

Но Михаил Сергеевич думал иначе. Считал, что мы вообще не подготовлены к эстрадной жизни.

А непосредственным поводом к тому, что нас «надо воспитывать и учить уму-разуму», был инцидент, с которого и родилось близкое сотрудничество с Мишей Дорном. Даже дружба. Это было в одной из первых гастрольных поездок. Тогда случился у нас скандал с музыкантами. Вернее, у них с нами. Первый в нашей недолгой практике. Мы были недовольны поведением ребят, а музыканты – нами. Вернее, нашими требованиями. К тому, как они относятся к работе, репетициям... Как ведут себя на сцене во время концерта...

Музыканты вообще-то народ сложный. А тут – мы. Новички. Люди пришлые. Их злило, что мы, которые без специального образования, пользуемся особыми привилегиями. И у концертной организации, и у филармоний разных городов: люксы в гостиницах, на концерты – не автобус с музыкантами, а отдельные легковые машины... Но главным, конечно, было то, что за концерт музыканты получали гораздо меньше нас. Во много раз меньше. Солисты так получали во всех эстрадных коллективах.

Конечно, музыкантов можно было понять. Они долго учились в музыкальных школах, потом – в музыкальных училищах, а кто-то и в консерватории или в Гнесинке. А тут – какие-

то пришельцы! И еще что-то требуют от них, заставляют репетировать постоянно, готовить новые песни, новые программы... Да еще и «придираются»: исполнение не то, поведение. А мы еще запрещаем им перед концертом пить, ставить бутылки с пивом на рояль...

Все накопилось.

И вот – скандал.

Тогда Михаил Сергеевич был с театром в этом же городе на гастролях. Увидел нашу афишу и решил навестить нас в гостинице.

Пришел.

Стахан – у музыкантов, что-то они там выясняют. А я сижу в номере – рыдаю. Вздохнул пытаюсь что-то объяснить...

Опытному зубру все сразу становится ясно.

– Дорогие мои, вы ненормальные, – говорит он. – Вы не знаете себе цены. Ваш ансамбль – эти засранцы должны благодарить судьбу, что попали именно к вам! А вы еще выясняете их претензии!

И, возмущенный и злой, направляется к музыкантам.

– Я этим гадам все сейчас объясню!

И все объяснил. «Гадам».

– Скажите спасибо, вашу так-то и туда-то, что они – скромные, интеллигентные ребята. Но они – талантливые, влюбленные в музыку! Потому и требуют! И от себя требуют! И еще пытаются что-то вам, лабухам, объяснить. Втолковать. Чему-то научить. Настоящему!

И распалился еще сильнее:

– У других вы б летели к... матери и работали б один гребаный концерт в месяц! Да по дырам! А они, дураки, еще хлопочут перед министерством, чтобы вам ставки концертные подняли!

Миша все не мог успокоиться:

– А сколько у вас в месяц концертов с ними?! Много? Значит, и зарплаты нормальные! А я сделаю так, что у них будет работы еще больше, с-суки... А если не уймется, то – без вас!

От этого удивительно спокойного и воспитанного человека никто никогда не слышал таких выражений и слов. Даже несмотря на его десятилетнее тюремное прошлое. В этот раз он говорил с ними на их языке.

И они его поняли.

Совсем молодым человеком Михаил Дорн был осужден на десять лет по доносу «друга». За анекдот. Сидел по политической статье вместе с известнейшим режиссером Леонидом Викторовичем Варпаховским. Спустя многие годы Миша и познакомил нас с этим удивительным человеком. Человеком самой высшей пробы.

А потом Леонид Викторович стал режиссером нашей новой программы «Распахни свое сердце». Михаил Сергеевич вообще считал, что только настоящие мастера должны «прикасаются» к нашему творчеству.

Но все было сложно.

Мосэстрада заключила договор с Варпаховским на работу с нами. А он – скромный интеллигентный человек – даже и не подумал обговорить свой гонорар. И после окончания работы над программой ему, великому театральному режиссеру, Мосэстрада хочет выдать неприличные гроши!!!

Удивленный и уязвленный Леонид Викторович отказался от этого «гонорара». А когда мы хотели вручить ему с благодарностью наши собственные деньги, сказал, что ни за что не возьмет их и что работал с нами потому, что полюбил наши песни и нас.

Мы остались друзьями с ним и его семьей. Когда мы гастролировали в США, приезжали в гости к его дочери, замечательной актрисе Анне Варпаховской в Канаду. Она тогда организовала Русский театр в Торонто.

Прошло много времени. Но до сих пор невозможно без стыда вспоминать ту ситуацию с «гонораром» для Леонида Викторовича.

Новая программа, освещенная его талантом и любовью к нам, вышла и имела большой, очень большой успех. А та афиша, на которой вместе с нашими скромными именами – еще без званий и регалий – значилось это высокое имя – режиссер программы Леонид Варпаховский, до сих пор хранится у нас как самая ценная реликвия.

Итак, Миша Дорн взял нас под свое крыло. И тут же выдал нам свод правил настоящего гастролера. Без которых «гастролер – не гастролер».

Основными заповедями, по Дорну, были:

1. Никакой университетской интеллигентности. Она вас погубит.
2. Забудьте все, чему вас учили в МГУ.
3. Гастролер должен славиться плохим характером. Тогда дирекция филармоний будет предоставлять ему лучшие условия и будет его больше уважать.
4. Гастролер должен иметь одну популярную слабость. Например, любить детей или дарить шоферу перчатки.
5. Два концерта в день на гастролях – выходной. На гастролях надо работать, а не отдыхать. «Чёс» и только «чёс»!
6. Реклама певца должна не рассказывать, а кричать. Чтоб лошадь останавливалась – читала!
7. Если у тебя все плохо, говори, что все хорошо. Если хорошо – плачься.
8. А если наконец-то на тебя приходит анонимка?! Радуйся. Гордись! Значит, ты стал настоящим гастролером!

Были еще и другие заповеди, но Михаил Дорн не считал их такими важными.

Дорн ценил талант артиста. Всегда старался создавать максимально удобные условия «для таланта». В гостиницах и за кулисами. Мы вскоре почувствовали это на себе.

Он попросил нас срочно вернуться в город, в котором только что были наши гастроли. Мы там прекрасно прошли. Многие даже не сумели попасть на наш концерт. И Михаил объяснил нам, что театр, который он привез, делает слабые сборы. И попросил нашего согласия про-давать билеты на спектакли театра «в нагрузку» к билетам на наш концерт. Если мы, конечно, не возражаем.

Мы не возражали. И прилетели, чтоб снова выступать.

В гостинице не было мест – наш приезд заранее не планировался. Музыкантов Дорн разместил в каком-то гостевом доме. За городом. А нам отдал свой гостиничный номер. Сам же устроился на полу. В прихожей. Главным для него было наше удобство – нам петь, нам работать. И «под нас» хорошо пошли театральные билеты.

С Мишей – мы уже называли друг друга по имени – мы стали действительно много работать. Наш гастрольный график с его помощью стал просто забит. С ним мы почувствовали себя, да и действительно стали, настоящими гастролерами.

Позднее, вспоминая то время, он гордо рассказывал, что в каком-то городе при продаже наших билетов желающие вдребезги разнесли театральную кассу.

– Вот теперь я за вас полностью спокоен, – сказал тогда наш первый импресарио.

...Стахана Рахимова, как известного представителя своей республики, да и меня с ним Узбекистан часто приглашал на свои праздники – декады дружбы с разными братскими республиками. А дружили мы с братьями красиво, богато и часто.

Выступали на этих праздниках только звезды. И прежде всего – такие как Батыр Закиров, певица Эльмира Уразбаева, узбекский прославленный танцевальный коллектив «Бахор», оркестр Узбекистана. И конечно, мы. Наш весь коллектив.

Это были настоящие празднества. А уж если это касалось дружбы «со старшим братом» – Российской Федерацией, то концерты проводились тогда в самых престижных залах Узбекистана. Роскошные приемы, банкеты, подарки... интересные общения... Среди приглашенных были и высокие гости, вплоть до членов правительств республик-именинниц.

К тому времени Михаил Сергеевич – уже директор нашего коллектива. Тогда еще у эстрадных артистов не было директоров. Только у Иосифа Кобзона. И всеми делами занималась только Московская концертная организация. По сравнению со многими другими у нас был большой коллектив: оркестр восемь человек, конферансье, звукооператор, рабочие сцены, костюмер... и – наш директор Дорн. Он выдавал нам суточные, иногда часть гонорара, на него оформлялись официальные документы... А на подобных национальных декадах, имея такие представительские документы, Дорн мог организовывать и оформлять дополнительные концерты.

И организовывал. Что было самым важным для любого артиста.

И вдруг случается непредвиденное.

Неожиданно Михаил Дорн получает извещение о том, что такого-то числа к такому-то времени он обязан (!) явиться в город Ташкент на суд! Обнаружены в документах, выплатах денег и прочее и прочее нарушения.

Дорн срочно присылает пояснения ко всем его отчетам. Но вызов на суд повторился в строгой форме.

Михаил Сергеевич – к Стахану:

– Без тебя к твоим узбекам я не полечу! Только с тобой! Дорогой, выручай! Без тебя меня на фиг засудят твои узбеки!

Полетели в Ташкент оба. Дорн и Рахимов.

Рейс ночной.

Прилетают рано утром. Волнуются. Усталые.

Невыспавшиеся – сразу в суд. В точно указанное время.

Никого. Судьи нет. Закрыт суд. Полная тишина и покой.

Стоят наши у дверей...

Ждут.

Ждут час.

Ждут два...

Пошел третий...

Ни-ко-го.

Наконец появляется заспанный, потягивающийся сторож.

– О-о! Стахан-акя! С приездом вас! Как вы? Как здоровье Алички? Ай-яй, как хорошо, что я вас вижу! Какое счастье!

И все в таком духе.

Приветствие и восторги по-восточному длятся долго. По этикету перебить старшего нельзя. Стахан ждет.

Наконец умудряется все же поинтересоваться:

– Где судья? Когда, когда будет суд?! Что происходит?! Ведь мы прилетели из Москвы специально, в точное время, по вызову!

– Стахан-акя, дорого-ой, какой сейчас суд?! Смотри, какая погода! Э-э! Пойдите на база-а-ар, поешьте шашлык-машлы-ы-ык, порадуйтесь солнышку... А потом и товарищ судья подойдет...

И добавляет:

– Может быть.

Оказалось, что документы с отчетом Дорна были потеряны – они просто лежали под сукном на столе. Никто их и не видел. Потому что – не искал. И вдруг их кто-то случайно

обнаружил. И выяснилось: никаких нарушений и не было. И вообще дело, оказывается, было давно закрыто.

Но в Москву никто не сообщил об этом. Экая важность?!

Нашлись бумаги – и дело с концом.

А день был действительно замечательный. И шашлык в тот день на Алайском базаре был действительно необыкновенным. А лагман! А самса!! А плов!!! И чай, разливаемый из чайничка с отбитым горлышком и с прикрученной крышечкой. А изумительный запах от всего этого?! Просто восточная сказка! Хотя и доставалось все откуда-то из-под многочисленных юбок уютной узбечки – она сидела тут же, на бревнышке.

И как же все это было вкусно!

Да! Не напрасно Дорна призвали к ответу в Ташкент! И не зря он боялся лететь сюда без Стахана Рахимова.

...Когда Мише Дорну было уже много-много лет, но присвоить ему эти годы было просто невозможно, нас связывала уже не работа, а теплые воспоминания. И это еще больше скрепило нашу дружбу. Да что значит – «больше скрепило»?! Просто сумасшедшая наша актерская и его административно-директорская жизни на какое-то время закрутились и разошлись в разные стороны. Но как-то Миша позвонил, сказал, что «настаивает» на присутствии нас на «серьезном» его юбилее. И добавил: «Вы – любимая страница моей жизни».

И «любимая страница», конечно, присутствовала на «серьезном» юбилее.

Потом мы не раз приходили к нему домой. Они с Риммой готовили потрясающих раков, рыб-барабук... Миша угощал, обихаживал... рассказывал... Слушал! Он умел рассказывать. А как он умел слушать! Он умел все.

Миша интересовался моими книгами. Он не только любил читать их. Он хвалил их! Даже нескромно было бы цитировать здесь – так хвалил! А как радовался каждой нашей новой песне, новому диску! Рассказывал своим друзьям – известным актерам обо всех наших подвигах... Что-то читал из книг им по телефону, давал слушать новые наши песни...

Михаил Дорн умел дружить. Умел любить.

Ему уже было трудно ходить, но с женой Риммой – опорой его и другом – он посещал наши концерты, дни рождения, наши юбилеи... Как-то летом он с женой приехал к нам на дачу. Было много народу, праздновался мой день рождения. Он тут же стал центром всеобщего внимания. Рассказывал о своих годах в заключении с таким юмором, с таким необыкновенным жизнелюбием, так остроумно! И с такой любовью о гастролях с нами! И конечно же не упустил случая с гордостью рассказать о разбитой театральной кассе с билетами на наш концерт. Он очаровал всех. Никто не мог поверить, да и не верил, в его возраст и серьезную болезнь.

И... никто не мог подумать, что это была последняя встреча с этим удивительным человеком.

...Мы много раз говорили:

– Мишенька, опиши все это, про жизнь твою необыкновенную! Пиши книгу!

И даже пригласили к нему телевизионных журналистов. Чтоб сделать о нем передачу, рассказать о его судьбе...

Телевизионщики приезжали. Разговаривали. Обещали сделать о нем фильм. Что-то снимали. Восхищались... потрясающими крабами и нежными барабульками.

Приезжали много раз. Много ели... много пили...

Фильма не сделали.

Когда советовали Михаилу Сергеевичу написать книгу, он всегда отнекивался:

– Кому это будет интересно?!

– Как – кому?! Пиши так же, как рассказываешь! Интересно все! И жизнь твоя непростая, и работа твоя, дружба с актерами, встречи, – мы уговаривали. И, наверно, не только мы.

И наконец он стал писать. Обо всем. Честно. Не жалуясь. Смеялся над ситуацией, над собой... Время от времени что-то рассказывал нам, по телефону зачитывал отрывки... Часто звонил. Хотел, чтоб мы прочли все, что написал. Волновался, что много времени у нас займет. Для того чтоб нам «было проще», записал все на магнитофон.

И деликатно просил: «Ребята, когда будет время, прослушайте...»

Но... не успели мы. Уехали, как всегда, на гастроли.

Когда вернулись, нашего любимого Михаила Сергеевича Дорна не стало.

Мы не успели.

А надо было успеть...

Прости нас, наш дорогой, наш красивый и очень любимый человек, верный наш друг!
Наш первый импресарио.

Ты всегда успевал помогать нам.

Всегда успевал откликнуться.

Успевал.

И ты успел нас ЛЮБИТЬ.

Прости.

Бумажные кружева

Дом этот был такой старый, что у него даже не было сил скрипеть. Вот какой старый был дом.

Он стоял в нашем проходном дворе, который одним своим боком выходил на Малую Бронную, другим – на Большую. И устроился дом в углу двора так, чтоб никому не мешать. И не мешал.

Дом был деревянный, двухэтажный. Но на деле первого этажа у него и не было. Вернее, он был, но весь первый занимала только одна большая лестница, которая вела на второй этаж, где и жили люди. Всего две квартиры там было.

В одной из них и жила маленькая девочка моего возраста, с которой мы дружили. Дружили ровно до того времени, пока ее семья не покинула этот «раритет».

Мы с подружкой часто прятались от наших дворовых ребят здесь, на этих лестницах. Это был наш тайный дом. Здесь нам было не скучно. Наоборот. Мы с Люсей поверяли друг другу такие секреты, которые было б трудно доверить яркому свету. А тут... в полумраке, на старой деревянной лестнице, можно было говорить обо всем. Даже о мечтах. Правда, шепотом. Хотя старый дом нас никогда б не выдал.

И однажды Люся показала мне необыкновенную, чудесную вещь. С этого момента наше убежище и стало нашей настоящей тайной.

Она показала мне картонную коробку из-под конфет. Очень красивую, разрисованную розочками... Ну коробка и коробка! Но она так пахла! И это было еще не все.

Когда Люся бережно раскрыла ее, я ахнула! Хотя конфет там уже не было и все шоколадные крошки, наверно, давно уже были вылизаны, но мне ничего такого сейчас и не надо было. Конечно, было бы неплохо лизнуть какие-нибудь конфетки – вкусно же! Но сама коробка стоила любых конфет. Даже шоколадных. Она была действительно необыкновенная!

Внутри было все в БЕЛЫХ КРУЖЕВАХ! Кружева были прикреплены вдоль и поперек! Нежные! Тонкие, ажурные... с резными дырочками и цветочками. Как нежные белые волны, они окружали внутри всю коробку. И мне показались они шелковыми.

Но кружева были из бумаги. Что нисколько не умаляло их красоты. И самое главное – именно они так ПАХЛИ! Пахли ШОКОЛАДОМ! Не коробка сама, а эти бумажные кружева. Именно они сохранили эту шоколадную память. И чем больше я смотрела на них, разглаживала и гладила, тем красивее они казались мне и сильнее чувствовала я этот волшебный запах.

Подружка не унесла коробку домой. А показала мне свой тайник – надломанный кусок лестницы. Туда как раз и поместилась эта коробка.

– Только я и ты будем знать, где она. Больше никто, – сказала.

И я была горда, что именно мне Люся доверила эту ароматную тайну.

Приходили сюда мы часто. С волнением забирались на «нашу» лестницу, и сколько б ни открывалась эта коробка, она всегда пахла. Пахли эти волшебные кружева из бумаги. И вдыхать их, дышать ими было так вкусно, так хорошо.

Вскоре жильцы «нашего» дома разъехались... И уехала моя подружка Люся. Но перед расставанием мы с ней еще раз приоткрыли наш тайник, подышали этим волшебным запахом.

Мне было грустно. Я навсегда просталась с единственной подружкой и с нашей общей тайной. Но перед самым-самым расставанием Люся совершает невероятный поступок. Ею я запомнила навсегда: она протянула мне эту необыкновенную коробку. И – как оторвала от себя:

– На! Забирай.

И этот роскошный подарок – эта тайна старого уставшего дома теперь становится только моей.

Каждый раз, оглядываясь, не видит ли кто меня, я забиралась по этой теперь уже только моей лестнице, устраивалась на «своих» пошатывающихся ступеньках... Оставалось только отодвинуть кусок надломанной ступеньки в сторону. И вот она – моя сокровенная тайна, пропахнувшая шоколадом.

Я могла долго оставаться здесь, забывая даже, что мама может искать меня, волноваться...

Я аккуратно ставила все на свое место и нехотя уходила в свою детскую жизнь. И конечно же возвращалась обратно.

Нет, я не была одинока или обездолена. У меня были добрые мама, папа, сестренка... Я была любимым ребенком в семье. Но... Я даже толком не знала, что значит это «но». Эта лестница, этот дом, пахнувший старостью и пылью. Я чувствовала себя здесь защищенной, значительной, счастливой... Здесь было то, что принадлежало только мне. Тут была моя первая и единственная тайна. Тут я могла мечтать.

О чем? О многом.

Но прежде всего о том, что когда-нибудь, когда-когда-нибудь у меня обязательно будет своя комната и в ней обязательно – красивые кружевные занавески... а на столе кружевная скатерть... Да! Еще на ней, на этой скатерти, будут шоколадные конфеты... конфеты в коробках – с шелковыми, пусть и бумажными кружевами...

Такие были мои детские мечты. Там, в этом старом доме, таком для меня дорогим.

...Однажды я проснулась от стука и грохота, доносившегося со двора. Бросилась к окну и... ахнула! Дома с моей лестницей уже не было. Вместо него по всему двору были разбросаны куски кирпичей и старых бревен.

Я бросилась во двор, но меня не подпустили к тому, что еще вчера было только моим и, как еще вчера казалось, было таким незыблемым. Я старалась увидеть хоть что-нибудь, что осталось от моего тайного богатства. Но была только пыль, обломки изуродованных лестниц... грязь...

Тогда я впервые узнала, во что могут превратиться твои мечты, твои сокровенные надежды.

...Сегодня я уже совсем взрослая. У меня свой дом. И есть свои кружевные занавески, есть шелковая скатерть вокруг с кружевами... с резными маленькими дырочками и цветочками... И вообще есть все, о чем я мечтала там, на лестнице старого деревянного дома... У которого даже не было сил скрипеть.

И шоколада есть сколько угодно. Только, правда, не в бумажных кружевах.

Но так – все есть.

Только вот... чего-то нет. Чего-то очень важного. Нет того ожидания чуда... Запаха тайны...

Запаха детства и мечты.

А так – все есть.

Есть все.

Как будто бы...

Нюрка

А у нас во дворе каких только чудес и странностей не было! Все было.

Вот и Нюрка была.

Нюрка была дочкой дворника и дворничихи нашего двора. Жили они в нашем убогом флигельке на первом, почти врытом в землю этаже. В какой-то каморке. Какходишь в наш подъезд – и подъездом-то его не назовешь, – так сразу.

Это была крупная оплывшая деваха, всегда в одном и том же странном сером многоступенчатом одеянии...

Всегда молчаливая. И не потому, что не хотела говорить. Может, и хотела б, кто знает. Но она не разговаривала. Вообще не говорила. Иногда ответит односложно: «Да». Или головой качнет. Мол, нет. И все. А если кто-нибудь ее обижал, и такое бывало, могла только горестно вздохнуть или промычать тихо что-то про себя. И все.

А глаза у Нюрки детские. Открытые. Чистые, с детской незатуманенной голубизной. И вообще она была абсолютно безобидным и даже добрым существом.

Часто можно было увидеть ее сидящей на деревянной скамеечке около самого входа в наш флигелек, с полной жменей семечек. Больше всего она любила, конечно, конфеты. Однажды кто-то угостил ее. Но больше никто и не баловал... а память осталась. Она увлеченно грызла и выплевывала шелуху на землю, тут же. Но так поступали и взрослые у нас во дворе. А родители Нюркины, будучи дворниками, каждый день безропотно все это выметали. А как же?! Вход в наш «подъезд» должен быть «как у людей».

А щелкала Нюрка семечки так аппетитно, что кто-то из ребят время от времени не выдерживал, подходил к ней и просил:

– Нюрка, дай семечек!

Нюрка заботливо обтирала заплеванные ладони о серую холщовую юбку и все, что было, высыпала в протянутую руку.

Сколько было Нюрке лет, никто не знал. Судя по росту, она была старше нас, конечно. Но она была всегда. И мы, дети нашего двора, к ней такой привыкли.

Нюрка многое понимала. И была деликатна по-своему. Никому не мешала. Никогда сама ни к кому не подходила. Но и не пряталась. Просто отходила в свой дальний маленький дворик, что был рядом, сразу за нашим флигелем. Через неширокую арку между большим нашим и маленьким «ее» двором. Зайдет туда и смотрит оттуда. Выглядывает. Как настороженный зверек. Наблюдает, как мы играем. А мы не обращаем на нее никакого внимания. Относимся как к обязательному бездушному приложению к нашему двору.

Нюрка. Что с нее возьмешь?!

А ей было интересно. Она смотрела издали на нас и улыбалась. Улыбалась простой своей детской улыбкой.

Шло время.

Мы все росли и взрослели. Взрослела и Нюрка. Почему-то ее взросление было более очевидным. И это было отмечено Димкой, самым задиристым пацаном нашей команды.

– Смотри, робя! А у Нюрки-то – сиськи!

Это было открытие! Во Нюрка дает!

До этого всем казалось, что она вообще некое бесполое существо. Серое, как ее юбка. А оно вишь как! И она туда же?!

Даже девчонки-подростки удивились. Действительно, они и не заметили, как Нюрка выросла вместе с ними. Только глаза ее оставались по-детски чистыми. Как и раньше. Как всегда.

А мальчишки-сволочи приставали:

– Нюрка, покажи сиську! Конфету хочешь?

Нюрка, конечно, хотела конфету, но тут краснела, отворачивалась и, шаркая своими полными ногами в валенках или растоптанных ботинках, опускала голову и медленно уходила домой.

Кто и что объяснил Нюрке про «Это», никто не знал. Только заметили, что она стала сторониться парней. Стесняться стала их. А если кто-то из них подходил к ней, чтоб подшутить, растерянно улыбалась и тяжело отправлялась в «свой» двор.

Прошло время. Нюрка теперь почему-то совсем редко появляется во дворе. А когда выходит из своей каморки и усаживается на скамейку у входа, то старается, чтоб никого во дворе не было. Но в окна своих жилищ мы могли видеть, как по-прежнему сидит она на своей скамеечке... но как-то не так, как раньше. Странная какая-то... как отрешенная от всего. А если кто-то выходил или входил в дом, она вроде и не замечала никого. Не реагировала. Ни на кого не смотрела. Как к себе прислушивается... Как будто знает что-то такое, чего не знает никто.

Руки, как у старушки, смиренно на коленях сложены. Даже любимые семечки не грызет... только смотрит вперед, в никуда, своими детскими глазами. И думает о чем-то своем. Размышляет, может.

А потом вдруг и совсем исчезла Нюрка из виду нашего. Выходить во двор вовсе перестала. Нам даже пустым стал казаться наш двор теперь. Как будто нет какого-то предмета привычного.

Странно как-то.

А потом мы стали реже замечать Нюркино отсутствие.

А потом и вовсе забыли про Нюрку.

Но однажды...

Собрались как-то все ребята опять во дворе... и мы видим... совсем странную картину видим. Даже не картину, а процессию странную. Из нашего подъезда выходит вся семейка – мать Нюркина, дворничиха, отец-дворник... и – Нюрка сзади идет. Не плетется, как обычно, а – идет. Ровно, спокойно... степенно даже. И не горбится, не сутулится как всегда. А идет. И не шаркает. Как человек идет. И одета чисто. Аккуратно даже. Хоть юбка и серая. Но другая.

Да и Нюрка уже была другая!

Отец ее нес два больших узла. Видно было, что семейка переезжает куда-то. И мать-то не с пустыми руками: в руках у нее – сверточек небольшой. Просто кулечек. Перед собой осторожно так держит. А из кулечка – плач раздается. Детский плач?!

Во дела!!!

Ребенок! Это ребенок – у них?! Это ж – жизнь человеческая в руках! Вот т-т-те раз!

Мы молча смотрели вслед степенной, медленно уходящей процессии.

Но чей же ребенок? Откуда?! Не старухи же матери?!

Нюрка???

Быть того не может!

Господи, Нюрка!!!

Мы стояли поодаль, не смея подойти к ней, когда-то нашей Нюрке.

Кто ж это?! Кто смог?!

Двор замер.

Двор обомлел.

Двор догадался.

Двор сразу стал старше.

Может быть, именно тогда и закончилось наше первое детство.

А шарфик где?!

Мы любим праздники. Любим устраивать их для себя и для других. Лишь бы повод был. И не только концерты организовываем. Но и дни рождения конечно же отмечаем. Свои. Празднуем. Не говоря уж о юбилеях... А презентации всяческие – так это обязательно. Ну а такой повод, как новая книга или новый диск с песнями, – так это святое.

А вообще-то – нам нравится друзей собирать! К гадалке не ходи! И нашим друзьям нравится собираться, когда мы их собираем. И приятно, что мест на наших вечерах всегда не хватает. Как выясняется. Но – помещаемся всё же все!

И вот недавно, когда в небольшом ресторанчике мы собрались по поводу выхода в свет очередной моей книги, Алик Левенбук – «главный еврей Советского Союза» и по совместительству художественный руководитель и режиссер еврейского театра «Шалом», заявляет:

– Вы знаете, почему Алла пишет книгу за книгой? Потому что этой паре просто нравится устраивать для нас праздники! Всех нас собирать вместе нравится! Вот она и пишет.

– Любят они друзей своих, – говорит Алик Левенбук.

Прав. Любим.

Но пишу я не для того только, чтоб друзей собирать. И Стахан оформляет мои опусы не для этого. Но сам повод хороший. Если появляется что-то новое – книга или диск, почему не встретиться с теми, кого ты любишь и уважаешь?! И кто – как говорит, а мы верим – любит и уважает нас?!

Итак, презентации, дни рождения и прочее. Гуляем все!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.